

**РУССКАЯ
КРАСАВИЦА**

Елена
Арсеньева

Сёстры –
соперницы

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А85

Оформление серии *Е. Анисиной*

Ранее книга выходила под названием
«Венецианская блудница»

В оформлении обложки использована репродукция картины
«Portrait of Anne and Maria Russell», 1804 г. художника
Джона Питера Расселла (1858—1930).

В коллаже на обложке использованы фотографии:
Jo Ann Snover, Prokrida, Lisovskaya Natalia6, spaxiax, kostins,
pashabo, Jena_Velour, HiSunnySky / Shutterstock.com;

Фрагмент шрифтового оформления в дизайне обложки:
FRACTAL / Shutterstock.com;
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Арсеньева, Елена Арсеньевна.

А85 Сёстры-соперницы : [роман] / Елена
Арсеньева. — Москва : Эксмо, 2019. — 448 с.

ISBN 978-5-04-101189-5

Дочери князей Казариновых похожи как две капли воды — но какие разные у них судьбы! Александра — завидная невеста для лучших женихов Российской империи. А Лючия, похищенная при рождении авантюристом Бартоломео Фессалоне, превратилась в расчетливую куртизанку. Они могли бы никогда не узнать друг о друге, но чья-то злая воля заставила Лючию... приехать в Россию и занять место сестры, которую ждало венчание с князем Извольским... А как же быть Александре, которую силой везут в Италию? Неужели ей придется заняться ремеслом сестры — или погибнуть?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Арсеньева Е.А., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-101189-5

Часть первая
ЛЮЧИЯ

Глава I
НАПАСТИ ЖИЗНИ

Лючия высунула нос из груды мехов — не пахнет ли кофе, а еще лучше — горячим шоколадом, самым модным напитком в этом году. Ах, что может быть лучше, чем проснуться в теплой постели, в нагретой жаровнями спальне и вкушать чашку шоколада, смешивая сладкие глотки с еще более сладкими мечтами.

Вот оживленное общество собралось в ее роскошной спальне. Лючия полулежит в постели. Дезабилье ее состоит из спального платья, вышитого серебром и убранного розовыми лентами, золотистые локоны перевиты жемчужными нитями, на шее черная бархотка, точь-в-точь как у мадам Помпадур. Вот один из ее чичисбеев¹ прибежал сказать, что новая гондола ждет внизу...

Забывшись, Лючия откинула мех и задрожала, когда холодный ветер от лагуны коснулся ее

¹ Чичисбей — весьма емкое понятие в Венеции XVIII в.: друг дома, поклонник, рыцарь дамы, сопровождающий ее вместо мужа; иногда — любовник.

лица. В окне было разбито одно стекло, а промасленная бумага, старательно расписанная золотой краскою под вид затейливого переплета, могла обмануть невзыскательный взор, но уж никак не январскую стужу!

Да, среди привычных напастей жизни были две особенные: холод и безденежье. Холодно, сыро, и все наряды Лючии, поутру небрежно сброшенные у постели, так и валяются неприбранными. Похоже, Маттео, их с отцом единственный слуга, не сыскал за весь день ни минуты, чтобы зайти к госпоже и привести ее одежду в порядок. А ведь скоро приедет князь Анджольери!

Лоренцо Анджольери! В жизни своей не встречала Лючия человека, менее похожего на ангела¹. Красавцем не назовешь, но какое страстное, притягательное лицо... а главное, какое несметное богатство! Его недавно купленное и отремонтированное палаццо ярко светилось по ночам над тусклым зеркалом Большого канала всеми своими восьмьюдесятью окнами, и, когда Лоренцо задавал балы, сотни гондол с факелами и разноцветными фонарями подъезжали сюда и отплывали, высадив веселых гостей...

От этого чудесного воспоминания сумрак вокруг Лючии показался еще мрачнее. Не переставая кутаться в мех, она сползла с постели и, хвала Мадонне, не промахнулась, попав в тужельки, а не на ледяной пол. Нашарила на столе подсвеч-

¹ Фамилия образована от слова *angelo* — ангел (*итал.*).

ник и ощупью побрела в залу — искать, от чего можно зажечь свечу.

За окнами сгущалась вечерняя синева, играла музыка, толпа журчала, точно река по каменным плитам.

— Ох, ну и заспалась же я! — пробормотала, зевая, Лючия. — Надо поспешить. Пока соберусь... князь обещал заехать не позднее полуночи.

Она зябко передернулась, вспоминая, как смотрел на нее Лоренцо, прощаясь: Лючия уже стояла на ступеньках террасы, а он — в гондоле, так что лица их были на одном уровне и, казалось, достаточно малейшего колебания волны, чтобы губы их соприкоснулись. И он прошептал — Лючия ощутила его жаркое дыхание:

— О, прекрасная, вы приобрели сегодня дурное знакомство! Я распутник по профессии!

За этими многообещающими словами, увы, ничего не последовало, и Лючия после неловкой паузы ушла в дом, усмехаясь про себя: о том же самом она могла бы и сама предупредить Лоренцо, только слово «распутник» следовало бы употребить в женском роде. Право же, Анджольери слишком мало еще прожил в Венеции, чтобы вести о похождениях несравненной Лючии Фессалоне в полной мере дошли до его ушей, а впрочем... впрочем, если она правильно прочла в его жгучих очах, он будет только счастлив узнать, что она дает куда больше, чем обещает, хотя и обещает безмерно!

О господи, но где же отец? Где Маттео? Есть хоть кто-нибудь в этом темном доме?..

И тотчас послышался легкий шорох шагов по мраморным плитам. Лючия узнала походку Маттео и с облегчением вздохнула. Сейчас он зажжет свет, подаст вина, принесет жаровню, согреет воду для ванны, сбегает в лавочку — у Лючии кончилась розовая пудра, а нынче ночью она хотела быть перед Лоренцо непременно в розовом, ну и волосы, разумеется, должны быть напудрены розовой пудрой. Розовое и золотое — она будет похожа на дивное лакомство, которое Лоренцо захочет, непременно захочет отведать. Но ему и не снилось, сколько будет стоить каждый глоточек, каждый кусочек...

Но вид верного слуги явственно указывал на то, что случилось нечто ужасное.

— Что произошло? — воскликнула Лючия. — Где ты был? Почему меня не разбудили раньше? Где отец?

— О синьорина... синьорина, — прошептал Маттео и осекся.

— Ради всего святого! — топнула ногой Лючия. — Ты меня пугаешь! Немедленно отвечай, что случилось, и приготовь мне ванну.

Гримаса боли искривила лицо верного слуги, из глаз хлынули слезы, и Маттео выдохнул:

— Он умер, синьорина Лючия! Ваш батюшка умер! О, лучше бы я оказался на его месте!

И Маттео зарыдал в голос, неловко утираясь левой рукой, а в правой сжимая подсвечник, ко-

торый дрожал в такт рыданиям, и страшные тени плясали, сталкивались на стенах осиротевшего палаццо Фессалоне.

* * *

Иисусе сладчайший! Отец умер!.. Бородатый Бартоломео Фессалоне, настолько не похожий на мелких душою и телом венецианцев нынешних времен, что никто не признавал его за соотечественника; Лючии он всегда казался бесшабашным цыганом — не столько по происхождению, сколько по авантюрному складу характера. Да она ничего не имела против, ибо любила этого лукавого человека, стремившегося подражать патрициям былых времен, особенно обожаемому им Пьетро Аретино¹, и даже мечтал о такой же смерти, какая поразила его кумира: Аретино умер, когда слушал какой-то непристойный рассказ и так бешено хохотал, что опрокинулся со скамьи затылком на каменный пол и расшибся.

Судя по словам Маттео, отец умер тоже мгновенно: мощным ударом он был сброшен в канал. А после того как несчастный достаточно долго пробыл в воде, чтобы наверняка умереть, труп его вытащили, положили на ступеньки палаццо, спускавшиеся в уединенный каналетто², а к бор-

¹ Знаменитый венецианский богач, авантюрист, друг и покровитель Тициана.

² Маленький канал.

ту камзола прикрепили записку: «Impressario in angustia»¹. Точно так называлась одна из опер-буфф Чимарозы, и дело было даже не только в этом: Фессалоне в модных кругах давно прозвали Импресарио, ибо именно его заботами прекрасная Лючия стала той, кем стала: опасной светской авантюристкой и охотницей за мужчинами — вернее, за их кошельками. И вот теперь impressario воистину in angustia... А что же делать его актрисе?!

Лючия была так ошеломлена, что даже не могла плакать, и только недоверчиво вглядывалась в залитое слезами лицо Маттео:

— Но что же сделал отец, за что его убили?!

Маттео удрученно покачал головой:

— Не знаю, синьорина. Этого я не знаю. Однако же батюшка ваш, похоже, предчувствовал свою внезапную кончину и не единожды наставлял меня: «Маттео, тебе одному из всех людей я верю и только тебе могу вручить судьбу моей дочери. Запомни: если со мной что-нибудь случится, немедля отведи синьорину в мой тайный кабинет и открой секретный ящичек в стене — ты знаешь, о чем речь! Там она увидит свиток бумаг. Пусть прочтет их сразу, как только узнает о моей смерти. И если после этого она пожелает покинуть Венецию, даже не бросив горсти земли на мой гроб, знай, что я на том свете не буду на нее в обиде». Клянусь Мадонной, синьорина, —

¹ «Импресарио в затруднении» (итал.).

произнес торжественно Маттео, — хозяин говорил мне именно эти слова, а потому, прежде чем вы увидите его мертвое тело, извольте последовать за мной в его кабинет.

— Да ты спятил! — возмущенно воскликнула Лючия. — Убит мой отец, а я пойду читать какие-то старые письма?! Я должна узнать, кто свершил злодеяние, чтобы отомстить, а ты...

— А я, — перебил Маттео так твердо, как никогда еще не осмеливался говорить со своей госпожой, — а я настаиваю, чтобы вы прежде всего пошли и исполнили последнюю волю покойного, а потом все остальное, не говоря уже о том, — добавил он, понизив голос, — что в письме вы можете найти указание на того неведомого врага, чья рука поразила вашего батюшку.

Что ж, если так хотел отец...

Лючия взяла свечу, приказала:

— Веди!

Пройдя анфиладу комнат, они вошли в просторную мыльню, где в бассейне тускло поблескивала вода. Ступая как можно осторожнее, чтобы не поскользнуться на влажном полу, Маттео проследовал в нишу, где стояла низкая скамья с удобно выгнутым изголовьем в виде лежащего грифона, и нажал на обычную с виду каменную плиту. Казавшаяся недвижимой скамья легко отъехала в сторону, и трепетный свет вырвал из мрака ступени узкой и крутой лестницы, ведущей вниз. И Лючия вспомнила слова отца,

на которые она сперва не обратила внимания: «тайный кабинет». Тайный!

Конечно, это был никакой не кабинет, а просто каморка, находящаяся столь глубоко в подвалах дворца, что здесь царила особая промозглая сырость, и Лючии даже почудилось, будто она слышит тяжелое течение вод каналов, огибавших палаццо Фессалоне. От холода и волнения ее билась сильная дрожь. Почему-то казалось, что ничего хорошего ей не даст чтение каких-то там заплесневелых писем. И предчувствуя ее не обманули, хотя бумаги вовсе не оказались заплесневелыми: они были надежно завернуты в вошеную бумагу.

Лючия нехотя развернула первый пакет и увидела стремительный почерк отца:

«Дорогая моя Лючия! Если ты читаешь это письмо, значит, человека, известного тебе под именем Бартоломео Фессалоне, уже нет на свете. Похоже, кто-то из тех, перед кем я не раз грешил, наконец-то помог Паркам¹ перерезать неровную нить моей жизни...»

Что это значит: «Человека, известного тебе под именем Бартоломео Фессалоне»?! Так это не настоящее имя отца? Но когда так — она, стало

¹ Три богини судьбы в древнеримской мифологии: Нона прядет нить человеческой жизни, Децима наматывает кудель на веретено, распределяя судьбу, Морта перерезает нить, заканчивая жизнь человека.

быть, тоже не Фессалоне и даже, может быть, не Лючия?!

Лючия обернулась к Маттео:

— Ты знаешь, что здесь написано? Ты читал это?

— Да, — шепнул Маттео.

Ну, разумеется! Этот хитрец всегда знал о своих хозяевах все и даже больше!

— Это правда — что пишет отец? Нет, быть такого не может!

— Умоляю вас, синьорина, читайте дальше не мешкая, — скорбно пробормотал Маттео. — И знайте: здесь все истинная правда, каждое слово!

Обреченно вздохнув, Лючия вновь принялась читать с самого начала.

* * *

«Дорогая моя Лючия! Если ты читаешь это письмо, значит, человека, известного тебе под именем Бартоломео Фессалоне, уже нет на свете. Похоже, кто-то из тех, перед кем я не раз грешил, наконец помог Паркам перерезать неровную нить моей жизни. Всего тебе знать не нужно. Много, очень многое я унесу с собой в могилу, но мне хотелось бы получить прощение от единственного существа, которое я истинно любил во всю жизнь и перед кем истинно повинен. Это ты, Лючия...

Первый раз пишу тебе, не осмеливаясь более назвать дочерью, ибо, хотя я любил тебя со всей

нежностью отеческой, ты мне, увы, не дочь. Более того! Я оторвал тебя от чаши, переполненной самыми счастливыми дарами судьбы, о каких можно только мечтать. Но позволь мне поведать тебе о том, что произошло 18 лет назад.

Бьянка Фессалоне, та женщина, которую ты, никогда не видя, привыкла почитать своей матерью, тогда была еще жива. Она только что разрешилась от бремени, произведя на свет мертвую дочь. Это было для нас истинной катастрофой, что врач удостоверил: Бьянка никогда более не сможет иметь детей, даже если и останется жива, что будет подобно чуду, так много крови она потеряла.

Я был вне себя от горя, я умолял доктора приложить все усилия, я обещал отдать все, что у меня есть, для спасения жены, однако этому мерзавцу не было никакой охоты возиться с умирающей.

— Господь милосерд, — изрек он равнодушно, — и все мы — его дети. Пусть синьора пока полежит, объятая спасительным сном, а я сейчас отправлюсь к русскому князю Казаринову — его супруга вот-вот должна разродиться! — и потом ворочусь к вам. Впрочем, извольте вперед расплатиться, синьор!

Я сунул ему горсть цехинов, две горсти... я не соображал, что делаю. Я знал доподлинно: если даже Бьянка очнется, весть, что ребенок погиб, убьет ее быстрее пули, попавшей в сердце. В то время как сладостный крик младенца мог пробудить ее к жизни!

Решение родилось в моей голове мгновенно. Я не чувствовал себя ничем обязанным равнодушному врачу — я ненавидел его, как лютого врага. Он вышел из мрачной спальни — я за ним. Он ступил на крыльцо — я взмахнул рукою... Он упал. Я обшарил его карманы, взял его сумку с инструментарием. Я не мог оставить доктора валяться здесь: очнувшись, он мог выдать меня. Один толчок — и баста! Вода сомкнулась над трупом, а я свистнул гондольеру и велел везти меня в палаццо близ моста Риальто, где остановился русский дипломат, у жены которого начались преждевременные роды. Но сначала я попросил отвезти меня на окраину, к фабрикам Морено, где жила одна женщина, занимавшаяся повивальным делом и известная по всей округе не столько мастерством своим, сколько умением обделывать самые разные делишки. До сих пор страшно вспомнить сумму, которую я посулил ей, чтобы она исполнила мою волю. Впрочем, я все равно не заплатил, так о чем беспокоиться?..

Итак, мы явились в дом этих русских. Князя, помнится мне, звали Серджио — по-русски Сергей; его княгиню — Катарина: если не ошибаюсь, это имя по-русски звучит совершенно так же. Я назвался именем злополучного доктора. По счастью, моя сообщница отменно знала свое ремесло, и через бессчетное, казалось мне, количество времени благополучно приняла младенца, которого я жадно схватил в свои объятия и устремился к окну, под которым ждала гондо-